

Скиталец, даже если его смелость и отвага достойны восхищения, все равно остается человеком, который испытывает жажду и голод. Смелость и отвага — это ценно, но никто не сможет есть их вместо еды. Когда ты не можешь даже набить желудок, разговоры о великом будущем — полная чушь.

Перед тем как отправиться в путь, Шао Ицянъ не имел четкого представления о том, что его ждет. Ему было все равно, хорошо это или плохо, поэтому он уходил только с чувством тоски, без страха. Но реальность обрушилась на него с самого начала, начав с голода, и насильно втянула его в путешествие, полное неожиданностей и потрясений.

Никогда еще он так ясно не осознавал, что теперь он — бездомный скиталец, бродящий по дорогам.

Он шмыгнув носом, дрожащими руками вышел из автовокзала и огляделся, решив сначала поесть, а потом уже думать о том, что делать дальше.

Вокруг площади перед вокзалом были разбросаны лотки, на которых продавалось все, что только можно представить. Но проблема была в том, что они находились на другой стороне улицы.

Этот дурачок впервые увидел шестиполосную дорогу и, конечно же, растерялся. Он никогда не переходил такую улицу и не знал, как это делать.

Люди и машины двигались в разных направлениях, а он не знал правил: «Красный — стой, зелёный — иди, жёлтый — жди» и «Сначала налево, потом направо». Он смело шагнул на дорогу, но не успел сделать второй шаг, как мимо него пронеслась машина.

Шао Ицянъ:

— ...

Он вскрикнул и бросился обратно, лицо его побледнело, и в голове промелькнуло только два слова:

— Мать твою.

Но он не сказал их вслух, потому что решил, что чтобы стать «честным и прямым» человеком, нужно прежде всего следить за своим языком и не сыпать матом при каждом удобном случае.

Несмотря на то, что он обычно вел себя как настоящий задира, готовый забраться даже на небо, чтобы отдать звезды, на самом деле он был храбр только дома, и расплата не заставила себя ждать.

Он огляделся, быстро адаптировался к обстановке и, ускорив шаг, перешел дорогу вместе с толпой.

У лотка с блинчиками стояла пожилая женщина, выглядевшая довольно добродушной. Он потрогал свою десятиюаневую купюру и направился к ней, но, едва открыв рот, остановился — он не знал иероглиф «гуань» в названии блинчика.

Когда пришло время платить, стало еще смешнее. Он был полным профаном в арифметике и долго не мог сосчитать, сколько будет десять минус три, считая на пальцах. Но именно тогда он заметил, что по краям купюры были написаны слова — таблица умножения, аккуратно

выведенная тонким карандашом. На воротнике портрета на купюре были написаны иероглифы: «Чтобы увидеть дальше, поднимись выше».

Он внутренне посмеялся над этим и вдруг почувствовал, что не хочет тратить эту купюру. Не говоря ни слова, он развернулся и ушел, оставив блинчик.

Недалеко от площади перед вокзалом был храм. Сквозь низкую красную стену он увидел статую Гуаньинь, которая была настолько высокой, что в воздухе витал запах благовоний.

Перед храмом было множество паломников и нищих, которые сидели на земле, протягивая руки за милостыней. У каждого перед собой была пластиковая бутылка, разрезанная пополам, с несколькими юанями и монетами внутри.

Когда кто-то проходил мимо, они кланялись и что-то бормотали.

Когда одна безумная женщина склонилась перед Шао Ицянем, его кожа покрылась мурашками. Ему стало не по себе, потому что он думал:

«Это не так. В школе были только красные галстуки и форма, в мультфильмах — голубое небо и зеленые горы, и даже в тех фильмах про Ультрамена, которые он смотрел с Чэнь Мэном, были только монстры и герои, а не такие ужасные вещи».

У него возникло странное ощущение, что каждый из этих людей на земле — это он сам, из-за одного общего признака — отсутствия денег.

Безумная женщина продолжала кланяться, и Шао Ицянь бросился бежать, как когда-то убежал от свиньи, которую мясник Дай не смог зарезать.

Обогнув угол храма, он оказался на другой улице, где вместо нищих сидели гадалки и предсказатели. Они сидели на маленьких стульчиках, перед ними лежали диаграммы И Цзин, и все выглядело довольно серьезно.

Шао Ицянь, запыхавшись, сел на бордюры и, подперев щеку рукой, подумал:

«Боже мой, что это за ерунда, просто бред».

Затем он увидел группу ярко одетых женщин, выходящих из вращающихся дверей торгового центра. Они были одеты в меха, короткие юбки, с большими сумками на руках, с густым макияжем и в темных очках.

...Мир был слишком странным.

Шао Ицянь закрыл глаза, чувствуя, что они вот-вот вылезут из орбит.

Все эти новые вещи, как свиток, развернулись перед ним, и их содержание полностью перевернуло его представления о мире, вытеснив все, что он знал раньше, и наполнив его ледяным чувством незнакомости.

Он сидел с каменным лицом, бессознательно рисуя круги на коленях. Школьные брюки были порваны в драке, и на коленях была дыра. Его пальцы скользнули по внутреннему слою брюк, и под ногами он услышал звон.

Он посмотрел вниз и увидел монетку в один юань, которую кто-то бросил ему под ноги. Тот, кто бросил монетку, еще не ушел.

Шао Ицянь:

— ...

Чёрт побери, я что, похож на нищего?

Прокляв всех предков того человека, он поднял монетку и спокойно положил её в карман. Ведь если деньги дают, зачем отказываться? Он не воровал и не грабил, так что это не его вина.

Он сидел недалеко от угла улицы, где стоял симпатичный мусорный бак в виде панды. Видимо, из-за большого потока людей мусор вываливался наружу, образуя кучу высотой почти в метр. В куче было много пластиковых бутылок, некоторые пустые, некоторые наполовину полные.

Шао Ицянь вдруг осенила идея — собирать мусор!

Эта мысль напугала его самого. Это было так унижительно, так позорно, что соседи смеялись бы над ним годами. Но... что такое лицо? Лицо не накормит.

Тем более, в его нынешнем положении лицо было бесполезнее, чем деньги, и терять было нечего.

Он был уверен, что и в городе есть мусор. Ведь каждый человек — это ходячая фабрика отходов. Каждый год бабушка Шао собирала пустые бутылки и старую одежду и продавала их, когда по улице проходил сборщик старых вещей.

Итак, решив действовать, он встал и начал копаться в мусорном баке, вытаскивая пластиковые бутылки и алюминиевые банки.

Сначала ему было стыдно, но после нескольких разов это чувство притупилось.

Многие, когда впервые начинают работать официантами, не могут сказать «Здравствуйте, добро пожаловать», но со временем привыкают и даже начинают произносить это по-разному. То же самое произошло и с Шао Ицянем.

Он неустанно шел и собирал бутылки, и к вечеру, обойдя весь храм, он набрал целых сто пластиковых бутылок.

На закате глаза Гуаньинь в храме светились мягким светом, и снова раздался голос механических часов:

— Сейчас восемнадцать часов по пекинскому времени.

<http://bllate.org/book/16843/1549752>